

24 ОКТ. 42

Н. ДОРОХИН

ХУДОЖЕСТВЕННИКИ НА ФРОНТЕ

В глубине души все же таилась какая-то неуверенность. Собираясь на фронт, мы включили в свой репертуар Пушкина и Горького, Толстого и Чехова; мы готовили отрывки, стремясь полностью сохранить в них аромат мхатовского спектакля — его тонкую психологическую ткань, глубокую человечность и строгую чистоту формы. Там, на фронте, казалось нам, искусство Художественного театра прозвучит особо сильно и действительно. И все же порою, приходило на ум: «А вдруг в суровой, напряженной и строгой атмосфере фронта это не дойдет?». И вот в одной из гвардейских частей, где на концерт собралось около трех тысяч бойцов и командиров, мы одаем наш «экамен».

В нашей бригаде — А. Тарасова, В. Ершов, А. Зуева, Н. Дорохин, А. Георгиевская, Г. Калининская, Я. Сухарев, вокальный квартет МХАТ — Акимов, Семеринский, Коробков, Славянский и гитарист Кузнецов.

Все мы переживаем знакомое каждому актеру чувство премьеры. Внешне мы выступаем так, как обычно в Колонном зале в Москве: женщины — в вечерних платьях, мужчины — в смокинггах. Мы сошли бы величайшим неуважением к бойцам и командирам, если бы остались в будничных костюмах, запыленных, прямо с грузовиков. Наш маленький автобус мы превратили поэтому в походную гардеробную. Нам хотелось, чтобы и внешний вид актеров придал нашим выступлениям известную правдивость. Хотелось, чтобы каждый концерт явился для нас самих премьерой, стал для наших зрителей, которые через час пойдут в бой, отрядным и важным событием.

Вл. И. Немирович-Данченко, определяя роль и значение актера в театре, говорит: «Можно построить великолепное театральное здание — со сценой, замечательными

А. К. Тарасова выступает перед бойцами.

декорациями, отличным освещением, однако, это еще не будет театр. А вот, когда посреди голой площади будет действовать один актер, окруженный кольцом зрителей, — это будет подлинный театр. Ибо главное на театре — актер. И там, где он сталкивается со зрителем, — там начинается театр».

В правильности этого утверждения мы неустанно убеждались в продолжение всей нашей поездки. Нам не интересовали размеры и удобства площадки, на которой придется выступать, нас не волновало, какое будет освещение, и прочее, и прочее. Мы выступали в ангаре, гараже, сарае, на поляне, на грузовике — и повсюду был театр. И мы страстно стремились, чтобы это был Художественный театр.

Крытый соломой сарай. В январские морозы немцы заперли здесь группу пленных красноармейцев. Сейчас гитаровские захватчики выбиты из села, сарай превращен в зрительный зал и сцену Художественного театра.

На полу, на соломе, на стиралах сидят бойцы и командиры. Сцена — горка соломы, покрытой, вместо ковра, плащпалаткой. Стол и две табуретки. Уже второй час идет концерт.

А. К. Тарасову я знаю много лет по совместной работе в театре. Перед выходом на сцену она всегда собрана, сосредоточена. То же и здесь. Она притянулась в углу, внимательно готовится к своему выходу. Волнуется. Ершов кончает сцену из «На дне», и после этого выступает Тарасова. Она читает «Ролубой шарф» Соболева и сцену Маши и Вершинина из «Трех сестер». Группа командиров про-

сит прочесть что-нибудь из «Анны Карениной». Стоит мертвая тишина. Мы с особой остротой ощущаем связь со зрительным залом, тот «мостик», который, как говорил К. С. Станиславский, актер перебрасывает в сердце зрителя.

У летчиков. Перед началом, пока собираются зрители, беседуем:

— Давно ли у вас был концерт?

— Часа три назад.

— А что за бригада давала концерт?

— Да это мы сами — над городом Н. такой концерт немцам загнули, аж небу жарко было!

После нашего концерта уходят две машины: в одной едем мы, в другой — боевые летчики вновь спешат на свой аэродром.

Тысячу с лишним километров прошел наш автобус. Мы дали 40 концертов.

Перед нами прошло огромное число различных людей, разных человеческих судеб. Но с кем бы ни разговаривали, где бы мы ни встречались с бойцами, мы всегда чувствовали себя старыми знакомыми. И хотя ни они нам, ни мы им этого не говорили, мы понимали и чувствовали, что живем одним стремлением: победить!

Героизм этих людей, каким бы родом оружия они ни владели, не любит ридиться в пышные слова. Любовь к родине и ненависть к врагу живет в сердце бойца. Он молчалив и деятелен. Он суров и мужествен. Он любит жизнь, человека, свою страну, свой народ и поэтому знает одну цель: «убей немца». Этим людям свойственна та мужественная простота, которой Вл. И. Немирович-Данченко в последние годы настоятельно добивается от искусства Художественного театра и требует от нас, актеров Мужественным и простым должно быть искусство нашего великого народа. Мы с особой остротой это поняли в дни пребывания на фронте.

И главное, мы близко увидели наш вооруженный, борющийся народ, мы видели замечательных людей, отдающих свою жизнь за нашу страну, за нашу культуру, за Художественный театр. — за все, ради чего мы живем. И во имя этого народа хочется еще больше работать и творить. Его ратные подвиги обязывают нас, людей театра, еще строже и требовательнее относиться к самим себе и к своему искусству.